

А. И. Окунев, 1990-1997 г.г.

Село Новорождественское. Век XX

В село пришла советская власть

До 1913 года село Новорождественское входило в состав Покровской волости и было её окраиной на границе с лысьвенским краем. Народ в селе изначально был «сборным» по своему составу. Испытывая нехватку земли, русские люди постепенно осваивали бывшие урочища татар, которые земледелием почти не занимались. Заселение шло со стороны Сосновки и Саи – южное направление, и со стороны Покровки, Дубового, Мохового – западное направление. Отсюда и сложились семейные роды Останиных, Печкиных, Санниковых, Елисеевых, Тетюевых и других.

Деревня жила размеренной патриархальной жизнью на основе общинного землевладения, где каждая семья, как правило, была многочисленной, имела свои земельные участки. Время от времени земля перераспределялась среди крестьян в зависимости от едоков и количества мужчин в семье. Жили скромно, но не бедствовали. Мужчины усердно трудились в поле, женщины занимались домашним хозяйством и рожали детей. К сожалению, детская смертность была очень высокой. Мальчиков рождалось на 15 процентов больше, чем девочек, но и смертность среди мужчин была на 9 процентов выше, чем среди женщин. Детей по возможности старались учить в школе, построенной в 1895 году. Примерно 40 процентов жителей владели грамотой.

В конце 1912 года население Верх – Култыма*), так поначалу называлось село Новорождественское, составляло вместе с окрестными деревнями более 1000 человек. Это позволило Кунгурской епархии принять решение о строительстве церкви. Разрешение жителям села было дано в 1910 году, тогда и началось строительство. Новорождественский храм строили всем миром. Осветили его 7 января 1913 года. С этого момента село и получило свое нынешнее название, а татары, проживающие в окрестности, услышав колокольный звон, стали называть его «чангала», что значило «звон колоколов». Так возникло село Новорождественское с правом волостного центра.

Экономика Новорождественской волости основывалась на земледелии, животноводстве, подсобных промыслах, различных ремеслах и извозе. В 1898 году посевные площади ржи занимали – 35,8 %, овса – 42%, клевера – 7,7%, льна – 1,6 %. Остальные пахотные земли занимали пшеница и овощи: горох, репа и т.п. В среднем на каждое хозяйство приходилось лошадей – 0,9, коров – 1,2, овец без приплода - 1,6, птицы – кур, гусей, уток – без счета. К 1914 году процентное отношение засеваемых площадей указанными культурами почти не изменилось. Произошло незначительное увеличение поголовья крупного рогатого скота.

Заметного расслоения жителей по классовому принципу не было. Выделялись семьи с сильным мужским составом. Благодаря большому количеству рабочих рук и трудолюбию многие из таких семей сумели построить полутораэтажные или пятистенные дома. Семьи не делились и жили всем родом под одной крышей. Среди наиболее крепких хозяйств были семьи Василия Борисова, Ивана Даниловича Останина, Алексея Шаравина, Степана и Алексея Еремеевых. Это были крестьяне-трудоголики, у которых рубашки от пота не высыхали и от соли на спине стояли колом.

Была и гольтьба – это лодыри, неумёхи и обиженные судьбой и Богом люди. Правда, почти не было среди этих бедолаг пьяниц. Пьянство в простые дни резко осуждалось, поэтому пили в основном по церковным праздникам.

*)По данным директора Аитковской школы краеведа Ф.Г.Асанова в начале XIX века на перекрестке местных дорог в устье реки Явыш стоял полустанок под названием Верх-Култым. Во второй половине XIX века в 6 верстах вверх по течению р.Култым была основана русская деревня Верх-Култым. Так и сосуществовали два поселения с одним названием. После освящения церкви русский Верх-Култым назвали Новорождественском. Бывший полустанок Верх-Култым, а впоследствии деревня, сохранил свое первоначальное название. – Ред.

Первая мировая война почти не отразилась на жизни села. Мужики уходили на войну, некоторые погибли, часть возвратилась домой. Бывшие фронтовики - новорождественцы вместе с лысьвенскими большевистскими агитаторами и стали распространителями смуты, беспредела и террора по отношению к местным «врагам советской власти».

О приходе новой власти селяне узнали от агитаторов из Лысьвы в начале 1918 года. Они собирали жителей в доме у Никиты Важесова и агитировали за счастливую жизнь. Крестьяне, кого удавалось уговорить, стали записываться в большевики. Деревня всполошилась. Началось деление на два лагеря: одни – за новую власть, другие против, хотя подавляющее большинство новорождественцев, не чуя беды, продолжало жить по-старому. Но все чаще односельчан тревожили слухи о боях между белыми и красными. Особенно тревожно стало к концу весны – началу лета 1918 года.

Гражданская война до поры обходила Новорождественское, но в конце октября 1918 года в село нагрянули белые, а с ними пришла беда. Красные вместе с комиссаром успели разбежаться по лесам, а трое красногвардейцев спрятались в подвале у большевика Андрея Андреевича Ведерникова. Их скоро нашли и босыми привели в штаб, который разместился в доме Василия Ивановича Останина. Судьба солдат не известна, но никаких расстрелов в деревне не было. Контрразведка быстро выявила всех сочувствующих советской власти. У них забрали хлеб и дали по 40 розг. Не избежали этой участи и женщины. Некоторые, чтобы «смягчить» побои, надевали на себя все юбки, что имелись в обиходе, не предполагая, что бить их будут на лавке у церковной ограды с задранными до головы подолами. Было больно и стыдно. Белые поставили старосту, и жизнь потекла по-прежнему руслу. Нейтральному населению вреда никто не делал. За сено и продукты белые платили деньги. Постояв немного в селе, белые части ушли по старому тракту. Деревня снова затаилась в страхе.

Новая напасть свалилась на жителей села в виде насильственной мобилизации сначала в ряды белой, а потом красной армии. Обременительными и опасными были армейские извозы по перевозке военных грузов. Зиму перемаялись, весной посеяли хлеб, и вот белые начали отступать. Их отход происходил довольно буднично. Солдатам явно не хотелось воевать, многие откровенно говорили о том, что хотели бы оказаться дома и покрестьянствовать.

В июле 1919 года в деревне появились красные. Начались расправы над «прислужниками» белых. У таких семей изымалось всё имущество. Ловили разбежавшихся по лесам мужиков. Стали хватать местных «богатеев». Сразу же арестовали Василия Борисова, Алексея Шаравина, братьев Еремеевых. У них конфисковали дома, а самих хозяев отправили в Кунгур и Пермь-Серьгу. Загорелись леса. Остаётся только гадать о причине пожаров: огнем выкуривали из лесов мужиков-беглецов или лесной пожар вспыхнул по неосторожности.

Началось строительство новой жизни. Хозяевами положения стали в основном бывшие бедняки. Активно работали на советскую власть Константин Степанович Запевалов, Степан Михайлович Русских, Сергей Филимонов, Афанасий Васильевич Скачков, Иван Иванович Санников, Григорий Мозжерин из д. Валюшино, Алексей Петрович Колодин, Никита Осипович Важесов, Григорий Михайлович Скачков, Виталий Евгеньевич Плотников.

Террор 1931 -1 937 годов

Весной 1920 года в урочище Зеленая был убит волостной секретарь Петр Федорович Бурцев. В 1918 году после возвращения с фронта он попал под влияние большевика Николая Агаповича Окунева и принялся активно устанавливать в округе советскую власть. Хорошо зная местность, он выловил несколько беглых мужиков, уклонявшихся от мобилизации уже в ряды Красной Армии, участвовал в реквизиции имущества у местных "бо-

гатеев". Имущество потом раздавали неимущим, правда все в деревне видели и знали, что наиболее ценные вещи - шубы, шали, платки - исчезали, а потом появлялись на плечах жён и родственников новоявленных хозяев.

Расследовать убийство Бурцева понаехали чекисты. Они арестовали и увезли в город подозрительных, часть из которых так и не вернулась домой. В память о волостном секретаре хотели переименовать деревню Бражники в Бурцево, но тщетно - народ никогда не называл деревню по-новому, и власти в конце концов сдались. Но поле, на котором был убит секретарь, ныне называется «Бурцевское».

«Военный коммунизм»*) наше село обошёл стороной. Правда, страхи все же были. Многие прятали хлеб, но повальных обысков не было. С 1923 по 1928 г. деревня стала жить лучше, многие поверили в Новую экономическую политику большевиков**). Единоличная жизнь крепким мужикам очень понравилась, законы общины теперь не мешали. Многие зажили ничуть не хуже, чем при царе. Казалось, что все плохое уже позади. Но впереди были страшные 1930-е годы.

С 1926 - 1927 годов власть стала обкладывать крестьян непосильными налогами.***) При этом цены на сельхозпродукцию падали, а на промышленные товары, напротив, росли. Вот пример налоговых обложений с разных категорий сельских жителей.

А.К. Патласова, 1881 г. р., трое детей. Имеет дом с постройками, земли 0, 72 га; налог - 36.50 коп.;

У.Г.Тетюева, 1890 г. р., детей нет. Есть дом и огород 0,3 га; налог - 24,35 коп.;

М.С. Тетюев, 1874 г. р., жена Александра Алексеевна, 1870 г. р.; имущества нет, земли нет, детей нет. Повышенный налог в 65.00 руб. за то, что служит псаломщиком в церкви;

Яковлевы Анисья, 1884 г. р., и Наталья, 1872г. р.; есть дом, сарай и ворота, земли 0,08 га, налог - 6.70 коп.

Учитывая курс тогдашнего рубля, суммы были очень даже приличные, а порой и просто непосильные. Но это было только начало. В 1929 году началась сталинская коллективизация сельского хозяйства****). Первым делом раскулачили и выгнали из домов: Василия Борисова, Алексея Шаравина, Степана Еремеева, Алексея Еремеева. В их домах обосновались Степан Русских, будущий председатель колхоза, контора сельского Совета, торговая лавка и заготларёк. Дальше - больше. Началось создание коммун в селе Новорождественском и в деревне Зайтовке, а в 1931 г. был создан первый колхоз. Кирилл Родионович Санников, Пётр Киприянович и, что совсем не понятно, сын «кулака» Иван

*) Начало политики «Военного коммунизма» было положено большевиками в 1918 году запретом частной торговли, обязанностью всем гражданам от 16 до 50 лет трудиться, трудовой повинностью, продовольственной разверсткой, государственным распределением продуктов питания. В 1920 году были отменены деньги. «Военный коммунизм» - это разгул жестокой диктатуры, уравниловки, пренебрежение к интересам человека. - Ред.

**) Новую экономическую политику (НЭП) принял в марте 1921 года X съезд РКП(б). Были разрешены предпринимательство и частная торговля, фактически был отменен декрет о национализации мелкой и кустарной промышленности, продразверстка заменена продналогом, вводилось материальное стимулирование рабочих, предприятия отдавались в аренду частным лицам или кооперативам и т.д. - Ред.

***) В 1925-1926 годах НЭП начинает сворачиваться. Страна вновь встала перед необходимостью индустриализации. Для строительства новых заводов и фабрик, железных дорог, машин и т.п. нужны были огромные финансовые средства. РКП(б) взяла курс на установление административного контроля города над деревней, ликвидацию рыночных отношений, перекачку средств сельского хозяйства в промышленность и т. д. - Ред.

****) В начале 1928 года И.В.Сталин принял решение об увеличении темпов индустриализации за счет производственного кооперирования деревни – коллективизации. Летом 1929 года он провозгласил лозунг о «сплошной коллективизации». За отказ вступать в колхозы крестьян лишали избирательного права и «раскулачивали», т.е. отбирали имущество и лишали свободы. - Ред.

Борисов вступили в колхоз добровольно. Обобществили тогда только лошадей и сельхозинвентарь. В 1932 году уже силой «загнали» в колхоз ещё 32 хозяйства. Обобществили практически всё. Из воспоминаний Е. И. Печкиной: «Все собрали в кучу. Хлеб выдавали раз в неделю, приплод от оставшегося скота забирали в колхоз, как и овощи с огорода, оставляя лишь то, что, по мнению властей, было самым необходимым».

В Новорождественском колхоз назвали «Колос», а в деревне Чебота колхоз получил название «Красная звезда». Часть людей ушла в коммуну. Вспоминает Серафима Савватеевна Печкина, 1908г. р.: «Прожили до 1930 года. Стали организовывать колхозы. Вступили сразу. Свёкор Кирилл Никифорович сдал в коммуну, чтоб не раскулачили, 20 пчелосемей, корову с телкой, лошадь. Надеялись на лучшее. Свекор стал пчеловодом вместе с сыном Алешкой, но поссорился с бригадиром, забрал постель и ушел жить в деревню Вязовка. Хорошо, что дом в коммуну не перевез. Ходил каждый день за 5 км на работу. Питались сообща в столовой, работал круглосуточный детский садик, молодежь учили грамоте. Ночами по очереди караулили колхозное добро. Молодежи такая жизнь нравилась. Для курящих на лавке стоял мешок самосада. Жили в двухэтажном доме, который в 1936 г. был перевезен в село и переделан в школу. Все дружно работали, обед в поле брали с собой из столовой. Прошло два года, коммуна разбежалась. За это время проели всё. Когда свекор собрался домой, то унес с собой дырявое ведро, в которое сложил щенков от коммунарской собаки».

Жить становилось все труднее. Не вступишь в колхоз – пропадешь, и в колхозе хоть плачь... Появился закон «О сохранности социалистической собственности». В народе его прозвали «закон о трех колосках», когда за присвоение хотя бы горсти зерна следовало жестокое наказание. Почти весь колхозный хлеб изымался в пользу государства. Были созданы машино-тракторные станции (МТС), их за глаза называли «нахлебниками». Колхозники голодали.

Вспоминала Г. С. Еремеева: «Из южных районов России измождённые, опухшие люди тянулись и к нам в село. Умирали прямо на дорогах. Их хоронили на скотском кладбище или прямо у обочин. Было страшно, когда эти бедолаги ели конский помет, разогревая катыши на костре. Помочь им жители села практически не могли - сами жили впроголодь».

За горсть зерна арестовали Зинаиду Шаравину вместе с младшей сестрой, которой было около 13 лет. Наказание - шесть лет лагерей. Вспоминала В.Н. Бражникова, тоже жертва «закона о колосках»: «За малую толику пшеницы для каши (около 300 граммов) меня осудили на два года, учли, видимо, что мать действительно умерла от голода... Привезли в лагерь, мне 15 лет. Трусливая, забитая деревенская девушка, а там сытые, откормленные надзиратели. Каждый вечер группу девушек вызывали «мыть полы» и так до утра... Я так и не вышла замуж после тюрьмы. Лишь спустя много лет решила родить ребёнка».

Трагична судьба крестьянина Алексея Васильевича Терентьева, жившего на самой границе колхозных земель в деревне Пальник. В годы НЭПа он построил собственными руками дом — благо, лес рос прямо в огороде. Раскорчевал клочок земли и решил крестьянствовать, заниматься охотой, пчеловодством, ловить рыбу в р. Култым и мастерить различные вещи: корзины, корыта, прялки. Но колхозное начальство выставило ультиматум: поскольку Терентьев не собирался вступать в колхоз, а до села от Пальника около 10 км, ему нечего делать на колхозной земле. Иными словами, приказали убираться с колхозной земли. И выгнали. Разобрал Алексей свой дом и по брёвнышку перетаскал его на себе за 50 м на другую сторону реки Култым на земли Березовского района. Но недолго радовался. Спустя 5 лет и Березовские власти добрались до него. Бросив все, мужик ушел, куда глаза глядят, а избу его потом спалили.

Конечно, были и такие, кто, вступив в колхоз, глубоко верил, что «светлое будущее» настанет. Не скоро, но настанет. И они радовались пышным революционным праздникам, искренне негодовали над «врагами народа», ликовали по поводу появления первого трактора в 1935 году и первого автомобиля в 1939 году, по поводу постройки новой школы в 1937 году. Они безропотно выплачивали «натуральный налог» с одного крестьянского хозяйства в год в размере 40 кг мяса, 240 штук яиц, 120 литров молока, 2-х фунтов шерсти, приобретали принудительные государственные займы, выплачивали денежные налоги, почти бесплатно трудились на колхозных полях и фермах.

Но, как оказалось, власти этого было мало. И до нашего села докатилась волна репрессий, поисков и выявлений «врагов народа». До сих пор оставшиеся в живых старожилы помнят так называемое дело «банды Колодина». Михаила Петровича Колодина, Ивана Савватеевича Запезалова и Василия Федоровича Зернина обвинили в развале колхоза. Чекисты в деревне перерыли все вверх дном. У Колодина нашли обычный «пугач», которым в деревне часто балуются мальчишки — это обыкновенная трубка, в которой спичкой поджигается порох. Грохоту много, а вреда почти нет, ведь стрелял он 2-3 дробинками на расстоянии нескольких метров. Самопал и стал главной уликой для следствия. Сначала арестованных долго допрашивали в г.Лысьве. По крайней мере, так «обработали», что жена В.Ф.Зернина Анфисья, сговорившись с милиционером, смогла увидеть своего мужа, но не узнала, так он был истерзан. Лишь по пёстрым старым валенкам она догадалась, что это был её Василий.

Дальше был показательный суд в Перми, на который ездила делегация из колхоза. Арестованные признались в таких «преступлениях», что люди ахнули. Тогда ведь не знали о методах допроса в тюрьмах и во время следствия.

Вот скорбный список односельчан, пострадавших от сталинских инквизиторов:

- Ковин Василий Кириллович и его брат Афанасий. Их подвели неосторожные разговоры. Василий попал в застенки за любимую фразу: «Доронькин пулемёт и их мать моя тяжёлая индустрия», а Афанасий спел частушку:

«Эх, яблочко, да с боку выгнило,
Советская власть с дому выгнала»;

- Останин Иван Ефремович при очередной уплате денег за облигации госзайма в сердцах сказал: «Провальная яма какая-то: платим, платим и конца не видно»;

- Скачков Михаил Симонович несколько раз врывался в контору колхоза и нецензурно ругал начальство: «Вы тут дурака валяете, идите работать в поле. Хватит перьями махать!»;

- Борисов Василий Дмитриевич и Кобелев Ефим Петрович пострадали как кулаки и торгаши;

- Гладких Григорий Семёнович, Гладких Алексей Васильевич, Гладких Пётр Афанасьевич, Русинов Василий Самсонович, Колодин Пётр Епифанович были арестованы, как выяснилось позже, по разнарядке. Об этом узнали, когда при переезде сельсовета из одной избы в другую была утеряна тоненькая папочка, где находилось предписание об их аресте. Содержимое этой папочки собственными глазами прочитала Санникова (Машталяр) Серафима Кирилловна, 1912 г. р.;

- Запезалов Иван Михеевич и Гладких Пётр Иванович пострадали как «пораженцы», т.е. не верили мужики в благо, которое им обещала колхозная жизнь;

- Шаравин Вениамин Петрович и его соперник Петька Епишкин попали в лапы чекистов из-за драки. Не поделили парни девушку - учительницу Мызлову, и пришлось им отбывать срок по политической статье;

- Афанасий Бражников был учеником 7-го класса. Между ним и учителем школы Тимофеем Петровичем Анисимовым возникли неприязненные отношения на бытовой почве. Учитель часто придирался к Афанасию. Однажды перед уроком ученик повернул

портрет Сталина лицом к стене. Учитель это увидел и доложил куда следует. Финал этой истории понятен. Подростка арестовали, и больше он в селе не появлялся.

Вот далеко не полный перечень «врагов народа» из нашего села. Все они исчезли бесследно. Лишь один из них, М.С. Скачков, сумел прислать коротенькую записочку: «Сижу в Соликамске, строим завод. Прощайте!».

В 1936 году в конце апреля в селе начали крушить церковь. Эту акцию возглавляли председатель колхоза, председатель сельского Совета и директор школы. Один спиливал крест, другой с помощниками срывали колокола, третий при помощи трактора рушил колокольню... Часть больших икон свезли в амбар на пиломатериал, а те, что поменьше, свалили на скотское кладбище и сожгли. Присутствующая при разгроме толпа переломала церковную ограду, прогнала священника Михаила Степановича Черепанова, изорвала церковные одеяния, часть из них позднее использовали в художественной самодеятельности.

После разгрома церкви священник сошел с ума. Он ходил по селу из дома в дом, и верующие кормили его, но старались поскорее вывести на улицу, сами боялись, что власти заподозрят их в нелояльности к режиму. Обычно выманивали старика из дома кусочком сахара или веником - любил батюшка чай и баньку. Он почти ослеп и ходил из избы в избу, держась за веник. В конце концов, его увезли в г. Лысьву, где он и умер.

А церковь?! Много лет стояла она с развороченной кровлей, пока не пригодилась сначала под амбар, а потом под клуб. Крышу мало-мальски залатали, окна зашили досками, и вот уже 60 лет она не видит Божьего света - заживо похороненная, хотя сейчас называется сельским домом культуры (СДК). Кошунственно звучит слово «культура» в стенах храма, где на стенах намалеваны картины местным художником, звучит пьяный мат, стоит собачий холод зимой и угнетающая скука*).

Подходил к концу 1936 год. 5 декабря была принята новая Конституция СССР.**) В селе по этому поводу устроили грандиозный праздник. Сварили артельно несколько бочонков (по местному - лагунов) браги и веселились под звуки гармошек классных гармонистов Ивана Петровича Окунева и Александра Гладких.

И как бы между делом за «колоски сели»: Клавдия Григорьевна Скачкова, Татьяна Русинова вместе с сыном, который в лагере сошёл с ума. Им дали по шесть лет лагерей за кражу килограмма зерна из сушилки, где они работали. В это же время органы НКВД «подобрали недобитого подкулачника» Павла Алексеевича Елисеева.

В 1938-1939 годах в колхозе был очень хороший урожай. Люди наконец-то наелись досыта. Впервые за 20 лет советской власти. Думали, что всё страшное позади. Но грянула война, сначала финская, а потом Великая Отечественная. 132 мужика ушли на фронт; домой вернулись только 45 человек. Из них к 1997 году в живых осталось 8 человек.

*) Здание бывшей церкви сгорело в 2006 году. - Ред.

**) Конституцию 1936 года называли «Сталинской». Это был документ, провозгласивший главенство демократических принципов в условиях тоталитарного государства. Многие положения Основного Закона СССР были пустой декларацией и попросту бездействовали. Например, Конституция СССР расписывала права человека, гарантировала неприкосновенность личности и в то же время против человека действовала безжалостная репрессивная машина с массовыми арестами и расстрелами. - Ред.

Горе вошло в каждый сельский дом и стало испытывать людей на прочность. Уж как война ломала и корёжила женские души и судьбы! Но ведь выстояли, сумели выжить в условиях жесточайшего голода, непосильного труда, страшных вестей с фронта и тревоги за судьбу детей. Кажется, можно было с ума сойти от всего пережитого, но мои односельчанки выстояли. Многие, к сожалению, уже умерли, но остались записи наших бесед. Я их комментировать не стану, хотя и привожу в сокращении. Здесь, как говорится, не убавить и не прибавить.

Печкина (Чернышева) Евдокия Ивановна, 1903 г. р.:

«Родом я из села Сосновка. В 1922 году вышла замуж за Фёдора Васильевича Печкина в деревню Вязовка. До войны пришлось пожить в коммуне деревни Зайтовки, а затем мы переехали в село. Жили, работали, детей поднимали, а тут война. Горя хватило сполна. Фотографию мужа храню, как последнюю реликвию, командиром он у меня был».

Печкина Пелагея Васильевна, 1909 г. р.:

«Родилась в Вязовке. Замуж вышла в 1929 г. за Печкина Григория. Родила 11 детей. Выжило только трое - Слава, Раиса да Зоя. Всю войну работала в колхозе. Сначала разнорабочей, а потом конюхом. Все работы выполняла одна. Страшный голод, беспросветный труд. Часто еда была одна: лошади едят сено и мы тоже. Свой огород да хозяйство дали возможность выжить нам четверым».

Савинкова (Мамталяр) Серафима Кирилловна, 1912 г. р.:

«Отец был первым организатором местного колхоза. До войны толком не жили, а война забросила на ЛМЗ, куда попала по разнарядке. Работала в шихтовом цехе. Грузили вручную металлические болванки весом 50 кг для мартена. За смену столько груза поднимешь, что жить не хочется, а все равно надо. Начальник наш носил фамилию Мамаев. Он казался нам хуже татарского Мамаев из рассказов о монгольском иге. Требовательный был, спасу нет. Наверное, и с него спрашивали так же, ведь завод № 700 давал для фронта броневой лист и многое другое. Однажды чудом не угодила в тюрьму, а дело было так.

Умер отец. Отпустили меня домой на два дня. Пришла домой, а это пешком 40 вёрст. Гроб сколотил сосед-старичок. Пошли могилу копать, а земля смёрзлась. Долбили-долбили, а выкопать не смогли – голодные, сил нет. Оставили покойника на кладбище и домой. Только на другой день докопали яму и захоронили отца. День прошел, а мне надо уж на заводе быть. Пошла к председателю сельсовета Колодину Алексею Петровичу, дал он мне справку. Опять голодная пешком 40 вёрст шла до Лысьвы. Дома даже поесть нечего было, а на заводе меня уже ждут. Сначала Мамаев «воспитывал», а затем какие-то дяди в штатском. Красиво материли, но, слава Богу, не посадили. За работу давали хлеба по 600 граммов и карточки. Выжили. А вот родить потом так и не смогла. Работала на заводе до 1959 года. Потом домой потянуло, здесь и доживаю свой век».

Окунева Анфисья Николаевна, 1912 г. р.:

«Жизнь моя с детства была трудной. В семье у отца Николая Семёновича было 8 детей. Мать умерла при родах в 1934 году. Мне, можно сказать, с 1929 года крупно повезло. Украл меня местный гармонист Иван. Конечно, любила я его, а отец был против. Он был, ой, как крут! Вот мы с Иваном и сбежали в Зайтовку в коммуну. До войны у нас уже две дочери было - Галя и Валя, а потом и сына Алёшу родила. Жить бы да радоваться, а тут война. Ушёл мой Иван и не вернулся. Он погиб на Украине, где сейчас дочь Галя живёт. А война - это голод и холод. В первую зиму еще держались на старых запасах, а потом ели всё: гороховую солому, кору липы, лебеду, крапиву и прочие травы (пиканы, пистики, ягоды, грибы). Из всего этого лепешки пекли. Сушили всё дома, а потом на мельнице мололи.

До войны Ваня мельником работал. Хозяйство держали, но ведь себе почти ничего не оставалось - всё уходило в налоги. Все, что можно было, на фронт отправляли, тёплые вещи, лапти. А трудились до упаду от темна до темна. В своем хозяйстве работали только

ночью, да дети сколько могли помогали. Алёшка от голода умер, а после войны я так замуж и не пошла, чтоб дочерей не ставить в положение падчериц. Тайком ели прямо на работе зерно, но домой не носили. Три семьи за горсть зерна в тюрьме сгнили, так что боялись воровать. Даже дохлую скотину не разрешали есть, но мы порой всё же выкапывали и ели. А одежду носили латаную - перелатаную, из мешков шили, из всякого старья, лишь бы тело закрыть».

Ижикова Антонида Петровна, 1921 г.р.:

«До войны в колхозе работала. В 1940 году окончила курсы трактористов. Нас тогда агитировали на это дело. Выучилась, а тут война началась, и пришлось нам, бабам, весь груз на свои плечи переложить, мужики-то все на фронт ушли, остались старые да малые. Дали мне трактор «Универсал». Капризная была машина, особенно при заводке. Раз при заводке «сдало» и рукояткой мне руку переломило, заросла слава Богу. Вкладыши меняли часто. Открутишь картер, а он тяжёлый больно, сменишь баббит, и снова всё надо на место ставить.

Работали порой круглосуточно. Домой некогда сбегать, хотя бы в баню. Механиком у нас была Федотья Лаврентьевна Гладких, и мы трактористки - Анна Еремеева, Поля Худякова да Валя Важесова. Все поля успевали обработать. Железо ломалось, а бабы стояли. В редкие минуты передышек я, бывало, на балалайке играла, всё на душе светлее становилось. Хлеба давали по 2 кг на 5 дней на семью из 3 человек. В общем, выходило 200 г муки на человека в сутки. После войны дали трактор «Нати», на котором до 1953 года я и проработала. Потом в доярки ушла. Ладно, что ещё детей у меня не было, еще бы трудней пришлось».

Санникова Таисия Филипповна, 1925 г.р.:

«До войны в колхозе работала в деревне Мартелы. Отец погиб в самом начале войны. Собрали в колхозах коней на фронт - грузили их в вагоны на станции Тулумбасы. Один жеребец никак не хотел заходить в вагон. Отец храбрый был, взялся за узду и повел его по сходам, жеребец встал на дыбы, отец упал и оказался под копытами. Еле живого его домой привезли. Вскоре он и умер, оставив четверых детей.

По разнарядке сельсовета отправили меня на Чусовскую железную дорогу. Там я и стала ремонтником. Таскала шпалы и рельсы с 1941 по 1946 год. Адский труд. Хлеба, правда, давали по 600 г в сутки. В 1943 году вместе с девками из нашего сельсовета мы сбежали домой. За нами приехали и увезли обратно. Отсидели по трое суток в КПЗ и снова работать. В конце войны эшелоны с военнопленными пошли. Остановятся на станции, выглядывают немцы из вагонов, насмеваются над нами. Они, побеждённые, довольно сытые, на руках у многих золотые кольца блестят, а мы, победители, в лаптях, в рванье, голодные и измождённые, ответить не можем – их конвой бережёт. Такие вот парадоксы жизни. С 1947 года стала работать счетоводом-кассиром в Мартелах, а в 1949 году замуж вышла и в Новорождественское переехала».

Окунева Ульяна Григорьевна, 1924 г.р.:

«Мне 17 лет было, как война началась. Раз молоденькая и детей нет, то одна дорога - на лесозаготовки. Пять зим в лесу работала, два сезона на лесосплаве, а летом дома в колхозе и пахала, и сеяла, на косилке тряслась. Все местные реки от вершин до устья прошла. Первый сезон по р. Лысьве, а потом по Култыму и Шакве до Кунгура. В ледяной воде работали в лаптях, о сапогах и думать не приходилось. Особенно неприятная работа была - «лапушку» косить. Зарастают реки на мелководе водорослями, вот и скашивали их стоя в воде. Это, чтобы лес при сплаве не задерживался. Правда, за этот труд давали знаменитую «пятисотку» - хлеба по 500 граммов в сутки. Что помогло выжить? Да, наверно, молодость, вера в будущее и оптимизм. После войны детей нарожала, аж пять сынов. А теперь вот ноги не ходят и голова болит. Достала меня всё же война-то».

Бичурина Таисья Степановна, 1915 г. р.:

«С началом войны два года в лесу проработала, а с 1942-го работала техничкой в правлении колхоза и школе одновременно. Как служащей давали буханку хлеба на три дня и карточки, которые и то председатель сельпо утаивал. Конечно, 200 граммов хлеба в сутки маловато было. Трава спасала да картошка. А председатель сельпо до того доворовался, что застрелился, когда ревизия прошла. Пришлось поработать вместе с грозой деревни Данилюком. Ох, зверь был, как его люди боялись! Исчез после войны куда-то. В школе я до 1945 года работала. Трудно было в войну, но дети были хорошие. Весь школьный двор засаживали овощами, концерты ставили, в колхозе помогали. Худые, плохо одетые, без книжек и тетрадей, а учились хорошо. Легко мне с ними было, а вот потом в 1960-е уже пошли другие совсем. Наверно, родители, пострадавшие в войну, стали слишком баловать своих чад».

Заканчиваю эту часть моего рассказа об односельчанах, но хочется, чтобы люди именно знали каждую труженицу колхоза «Колос», внесшую свой вклад в нашу общую Победу: Бичурина Таисья Степановна, Бурцева Крестинья Григорьевна, Важесова Раиса Петровна, Гладких Анастасия Григорьевна, Гладких Анастасия Яковлевна, Гладких Евдокия Ивановна, Гладких Ульяна Васильевна, Елисеева Ирина Тимофеевна, Елисеева Зинаида Григорьевна, Елисеева Любовь Максимовна, Елисеева Надежда Алексеевна, Еремеева Анна Семёновна, Запевалова Екатерина Сергеевна, Запевалова Пелагея Евстафьевна, Запевалова Анастасия Степановна, Зернина Серафима Савватеевна, Ижикова Антонина Петровна, Калабина Мария Игнатьевна, Кобелева Анна Григорьевна, Коваленко Анна Николаевна, Кокшарова Валентина Алексеевна, Колодина Елизавета Савельевна, Колодина Маремьяна Михайловна, Маракулина Мария Михайловна, Мамталяр Серафима Кирилловна, Окунева Анфиса Николаевна, Окунева Ульяна Григорьевна, Останина Анастасия Ивановна, Останина Екатерина Андрияновна, Останина Аграфена Петровна, Останина Павла Васильевна, Печкина Александра Ильинична, Печкина Галина Максимовна, Печкина Евдокия Ивановна, Подвинцева Ирина Афанасьевна, Птицина Александра Ильинична, Рагозина Анна Ивановна, Санникова Пелагея Васильевна, Санникова Фёкла Петровна, Сергеева Анна Фёдоровна, Сорогина Анна Евграфовна, Сорогина Фекла Васильевна, Сударикова Анна Константиновна, Шипигусева Евдокия Павловна.

У войны не детское лицо

Наравне с матерями светлый день Победы приближали и деревенские дети. Сегодняшние их сверстники едва ли представляют себе, как сельские «малолетки» жили и трудились в те неимоверно тяжелые годы. Вот воспоминания моих односельчан о военном детстве и юности.

М. Ф. Елисеев: «Когда началась война, мне было 9 лет. Отец ушёл на фронт прямо с поля, где работал на тракторе. Даже проститься не успел с семьёй, хотя в то время у него родился сын. Он так и ушёл, даже не взглянув на новорожденного. Год я ещё поучился в школе, а с 10 лет начал работать в колхозе. Жили очень тяжело. Выручало своё хозяйство, но и из него приходилось платить огромные налоги и молоком, и мясом - себе оставались крохи. На всех нас в семье были лишь одни штаны более-менее хорошие. Так что изредка удавалось сходить на косогор за деревню, где собиралась молодёжь. Под гармошку пели частушки, плясали кадрили. В клубе за всю войну ни разу не был - ходить не в чем, да и мелковат был. В колхозе с 12 лет работал на лошадях. Всё делали, что заставят. Дисциплина была крепкая, как на войне. Голод был жуткий, а труд непосильный, но спасала вера в лучшую жизнь после войны».

М. И. Калабина: «Жили мы в Вязовке. Как и все, работала в колхозе наравне со взрослыми. Ох, и трудно было! Возили зерно в Лысьву на лошадях. Мешки таскать - силы нет; ухватимся за мешок вдвоем - втроем и тащим его по сходам. Домой обратно везли керосин или жмых. Лошадь падает. Бегаешь, ревёшь, уговариваешь её подняться, а у са-

мой порой от голода круги плывут перед глазами. Поздно вечером приедешь, а на утро снова в путь. Если кто опаздывал, то бригадир Миша Черепанов ругал.

Зимой из леса ружейную болванку вывозили. Это кряжи двухметровые из витой берёзы. Болванки тяжеленные, а снегу по пояс. Вот и ползаешь по лесу, собираешь их в кучу. Нагрузишь на воз и вперед. При спусках с гор сани напирают, лошадь сдержать не может, начинает бежать и может запросто на поворотах расшибиться о деревья. Тогда стали «тормоза» делать - привяжем сзади на верёвку два бревна волоком и спускаемся потихоньку. Нужно было обязательно норму выполнять. Вот мы и решили с вечера дороги протаптывать, но опять новая напасть. Старички утром рано встанут и у нас бревна увезут. Мы режем и к начальнику с жалобой, а он нам посоветовал: «Поймайте старичка - разбойничка, да посите ему в ухо». Мы, конечно, старичков поугадали да и начальник их пристыдил. Воровать они перестали, и даже помогали при нужде. Ну, а если порой удавалось в клуб за 3 км сбегать, то спляшешь кадрили 2-3 рядовки и снова домой. Лаптей не жалели - мама сама их плела».

Ф. И. Тетюев: «К началу войны мне 10 лет стукнуло. В семье четверо детей, я самый старший. Отца убили на Западной Двине через месяц после приезда на фронт. Окончил я 5 классов и на работу в колхоз. Сначала боронил, а потом взяли на ферму скотником. Практически всю войну там и прожил в сторожке. Домой только в баню заезжал да за картошкой. Девки-дойрки в отдельном домике жили рядом с фермой. Вставал в 4 часа утра, убирал навоз и вывозил за ферму, после дойки вёз молоко в с. Покровку за 4 км, обратно вёз сыворотку или обрат. Потом снова управлялся с навозом, возил из леса дрова для печки.

Частенько приходилось выезжать в поле, чтобы привезти обессиленную лошадь, на которой бабы сено к ферме подвозили. Привезём её, бедную, на ферму, подвесим на верёвках, чтобы не падала, немного откормим и снова в работу. После вечерней дойки снова еду с молоком, иногда и девки со мной в клуб соберутся. Попляшут там под гармонь, иногда кино посмотрят, а я жду «обрат» и девок - сплю под рогожей, если на улице тепло. Бывало, мастер сырзавода даст творога поесть. Это было великим праздником. Так проработал до 1944 года.

С 13 лет стал хлеб в Кунгур возить. Обрато керосин везли для тракторов. Лошади падали, а иногда и умирали в дороге. Их тоже надо было домой везти для отчёта. Хлеб сгружали в кунгурские церкви. Мешки таскали гурьбой - одному бы мешок ни за что не поднять. В дороге ночевали в д. Мечки. Старуха за ночлег брала по 5 рублей. Если удавалось её обхитрить и деньги утаить, а давали их в колхозе, мы складывались и за 10 рублей покупали хлеба буханку. На обратном пути голод донимал крепко. Лепёшки из коры липы, мякины и лебеды, приготовленные дома на дороге, мы съедали раньше, в первый же день.

В Шакве (Березовский район) обычно ходили побираться, иногда вдвоём. Один в избе просит, а другой в сенках шарит что-нибудь съестное, но брали по совести. Люди в Шакве жили лучше. Они в Берёзовке на промкомбинате работали, хлеб и деньги получали, а у нас в колхозе давали по 200 граммов отрубей на человека да и то, если работаешь. Когда ничего не получалось с добычей съестного, то в Переборе уже заходили по очереди во все дома и просили поесть. Иногда давали немного горячей картошки. Вот так я и проработал до 1948 года.

Иногда меня спрашивают, почему ты голодал, ведь молоко и зерно всегда было под рукой, ел бы. Но это сейчас воруют, а тогда всё учитывалось до грамма. Попробуй не доведи хоть 100 граммов - немедленно тюрьма и примеров тому было много. Мария Бражникова за 2 кг зерна получила 5 лет. А вот ещё случай.

Летом 1944 года (самый тяжёлый год) девки-дойрки Надька, Настя и Наташка решили мяса поесть. Сговорились со сторожем, а это был дед-доходяга, и зарезали корову. Мя-

со разнесли по домам в мешках. Утром стадо должны были выгнать на пастбище, а вечером после пересчета собирались доложить по начальству, что одну корову пастухи потеряли или медведь задрал. Всё было рассчитано, но подвели коровы – почуяли запах крови и подняли рёв, а дальше... Розыски, избиеение сторожа, и старик выдал сообщниц. Приволокли девок, заставили принести мясо. Председатель колхоза Анатолий Морозов бил их прикладом ружья, пока не разнёс его в щепки. Особенно избивал Наташку, самую красивую из девок. Её он принудил к сожительству ещё в 1943 году.

Составили процессию: впереди старик в коровьей шкуре, надетой подхвостьем на голову. Старик ничего не видел, часто падал, его пинками поднимали. Потом для глаз вырезали в шкуре дырку, а девки с мешками мяса шли сзади. Толпа зевак окружила процессию, и некоторые били палками «воровок». Четыре километра побоев и унижения. Из правления в д. Косулино повели в сельсовет в Покровку. Там Наташка попросилась в туалет. Морозов пошёл с ней, но девка вдруг рванулась и прыгнула в колодец, чтоб убиться насмерть. Колодец был 12 метров глубины. Опять ей не повезло, так как воды оказалось 1,5 метра, и она не утонула. Вытащили её, снова пнул её Морозов несколько раз сапогом и оставили до приезда милиции, а там суд. Дали им от 8 до 12 лет. Домой из тюрьмы вернулись двое, куда делись остальные, не знаю. Говорят, что Наташка сказала Морозову, когда её уводили милиционеры: «Чтоб ты этим мясом подавился, изверг!» После таких вот «показательных процессов» воровать боялись. Лучше с голоду умереть дома, чем в тюрьме. Жаль, что фамилии этих девчат вспомнить не могу, а вот этот самосуд до сих пор стоит перед глазами».

В. И. Тетюева: «В войну мы с сестрой Галей только в школу пошли. Тяжкое было время. Младший брат Алёшка умер от голода на первом году жизни в 1941 году. Отец воевал на фронте. Он погиб 29 января 1944 года на Украине в д. Осетняшки Кировоградской области. Мама в колхозе работала от темна до темна. Дома старый дед 77 лет и нас двое. Ели в основном траву, картошку и иногда снятое молоко. Всё сдавалось на фронт.

В школе не было книг, тетрадей и всего нужного. Выручала смекалка: чернила делали из сока свеклы и сажи, писали на любой бумаге. Ходили в обносках, правда, можно было марлю купить, она тогда дешёвая была. Помню, мама достала где-то несколько метров белого полотна, сшила нам с сестрой платья, и пошли мы в школу как принцессы. Недолго длилась наша радость - соседская девчонка Галька порвала платья. «Это, чтобы вы не выделялись!»- сказала она. Школу вспоминаю с теплотой в душе. Там всегда было чисто, тепло и уютно. Учителя творили чудеса. Это Шипигусевы: Алексей Александрович и Евдокия Павловна, Павел Гаврилович Паршаков, П.В. Шупсов, А.И. Важесова и другие. Но особенно хочется сказать о техничке Таисье Бичуриной. Это она своими руками мыла, скребла грязь после лаптей, грела кипятком и всегда помогала то пуговку, то вешалку пришить, и никогда ни крика, ни ругани. Святой человек. Посмотри на её руки, они все распухшие в суставах, как корни старых деревьев. От труда беспросветного. Детей у ней было двое. Здесь в школе она и жила в маленькой комнатухе. Школьники хорошо учились, выступали с концертами, работали летом в поле и дома. Серьёзные какие-то ребята были, хотя порой и шалили. Как-то Ленька Санников бросил чернильницу и попал в лоб учителю П. К. Ковину. После этого он больше в школу не ходил. В колхозе работал с 4 классами образования.

А с какой торжественностью проходили любые вечера! Огромные концерты, декорации рисовали на газетах, подклеивая их на картошку. Особенно радостно встречали Новый год, Первое мая, Октябрьскую революцию. Школу я окончила уже после войны - 7 классов, а далее сама всю жизнь в школе проработала завхозом и техничкой».

Много приходилось мне слышать рассказов от ныне живущих и уже умерших людей о юности и детстве, опалённых войной. Конечно, бедность была жуткая, но молодёжь и

дружила, и любила, даже пела и плясала. Изредка даже выпивали самогонки, но работали до изнеможения, а иногда и умирали на работе.

Александр Михайлов подростком ушел работать на завод в г. Лысьву, но сначала вместе с односельчанином Александром Окуневым закончил ФЗУ. Молодые были, неопытные. Давали им на заводе карточки на продовольствие. Конечно, еды не хватало. Если была возможность, из дома изредка привозили картошку. Решил Михайлов свои карточки продать, а на деньги покупать на рынке шанежки (тонкий кусочек хлеба и сверху чуть-чуть картошки). Короче говоря, проел он деньги за полмесяца, а дальше как жить, где что взять? Воровать не умел, в деревне вырос, где воровства никогда не было. Помочь было некому, и умер он прямо на разметочной плите в цехе, а Александру Окуневу кисть левой руки раздробило паровым молотом. В 17 лет он стал инвалидом.

Сейчас дети военных лет уже старички и старушки. Страна наградила некоторых из них медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» сразу после войны. Остальные получили эту медаль лишь в 1995 году.

Так и доживают свой век эти недоучившиеся, недолюбившие когда-то люди. Детство и юность сожрала война, непосильный труд - здоровье, бессмысленные реформы – веру в будущее. Но они и теперь говорят: «Чего стонать, хорошо живем! Работать надо, а не пить». Вот настоящий русский характер!

Колхоз после войны. На пути к коммунизму

С войны возвращались солдаты. Гремели застолья, пусть скудные, но радостные. Последние запасы капусты, картошки, молока – все выставлялось на стол, таковы уж наши обычаи. Сами есть не будем, а гостей угостим всем, что в доме есть. Собирались соседи, глядели с радостью и тоской в глазах на солдата и с последней надеждой спрашивали: «Не видал ли там, на войне, нашего-то?». Лишь однажды В. Ф. Санников рассказал о встрече в 1941 году с Андреем Печкиным под Брестом. Главное было в одном – война позади и впереди всех ждет светлое будущее, главное трудиться и терпеть временные трудности.

Война изменила людей, они утратили страх перед смертью и властью. Помню, как безногий Серега (Сергей Дмитриевич Терентьев) в пьяном виде в пух и прах материл местное начальство и кричал, что он Гитлера не боялся. Но Сталин быстро опомнился и после речей и тостов в честь русского народа-победителя перешел к жестоким мерам. В 1946 году после работы «комиссии по делам колхозов» изъяли излишки огородов, ведь много людей погибло и согласно нормам огороды урезали по оставшимся едокам. Началось насильственное уничтожение мелких деревень. В 1947 году постановлением «О мерах по подъему сельского хозяйства» наметили довести сбор зерна в 1950 году по всей стране до 12 центнеров с гектара, а в 1955 – до 16 центнеров или 100 пудов. За хищение госсобственности тюремный срок увеличивался от 5 до 25 лет. Отмена карточной системы и денежная реформа*) деревни почти не коснулись, потому как жили всегда натуральным хозяйством, а живых денег в руках не держали.

В 1950 годы колхоз снова пережил укрупнение за счет сноса мелких деревень. Крупным хозяйством стало труднее управлять. Начальства становилось больше, а результат работы колхоза был хуже. С болью в душе колхозники пережили новую обрезку огородов. В то же время увеличивались посевные площади колхоза, но техники в хозяйстве не было. Вся она сосредоточилась в МТС, которые не только сеяли и пахали, но и обирали колхозы до нитки в виде платы за свой труд, а особые люди из «компетентных органов» зорко следили за этим. Так и дожили до марта 1953-го, когда страшная трагедия обрушилась на

*) В 1947 году. – Ред.

страну - умер Иосиф Виссарионович Сталин. Для нас это был шок. Я хорошо помню эти дни в Покровке. По всей деревне висели знамена с черными траурными лентами и портретами Сталина. В правлении колхоза круглосуточно говорило радио (батарейный радиоприемник). Люди с непокрытыми головами стояли и плакали. Парторг Павел Алексеевич*) читал траурные речи и плакал сам. Потом в газетах появились большие портреты Сталина и фотографии Сталина в гробу. Это была поистине трагедия для всего народа. В Новорождественском траурный митинг проходил в школе, где работал радиоузел. Все проходило так же, как и в Покровке.

После смерти Сталина к власти пришел Никита Сергеевич Хрущев, но жить от этого легче не стало. Помню, как на нашу семью из 9 человек колхоз выдавал сена и соломы по 2 центнера и хлеба примерно столько же. Кроме этого одновременно государство изымало из семьи мясо – 25 кг, молоко - 250 литров, шерсть, яйца 80 штук, 2 шкуры и ненавистные займы в деньгах. Как выживали, не знаю. Ели все, что только можно. Помню, как я с маленькой сумочкой ходил весной по колхозному картофельному полю и искал перемерзшие клубни картошки. Затем мать промывала этот белый сгусток в колодезной воде и пекла лепешки. Горячими их еще можно было есть, но холодные они синели и становились, словно резиновые. Капуста, «паренки» всех мастей, кисели из отрубей, картошка и молоко с черным хлебом – вот главная еда того времени. Еще кормил лес ягодами и съедобными растениями. Мой отец был заядлым рыбаком, поэтому речная рыба у нас летом бывала часто. Хлеб в магазине продавали «на развес». Нам давали на семью по 2 килограмма. Если буханка была легче, то прирезывали к ней маленькие кусочки, которые отец разрешал по дороге к дому съесть. Это было великое счастье! В магазин за хлебом я ходил с первого класса. Бывало, отец сплетет лапти за ночь, продаст за 3 рубля, и я иду в магазин. Очереди были огромные, и я научился из-за малого роста проползать к прилавку между ногами людей. Бить за это взрослые не били, но порой тумачи доставались.

Вот так и жили, вернее, выживали. Тяга к жизни была великая. Тяжело жилось вдовам, но они не боялись заводить детей и растили их трудолюбивыми и порядочными. До сих пор стоит перед глазами такая картина. Летом от болота с ветками ольховых веников идет семья Лидии Дмитриевны Михайловой (в народе ее называли Лидка-Меланья). Впереди мать с большой ношей, за ней 5 детей с ношами все меньше и меньше в зависимости от возраста, а сзади семенит «последыш» Вовка с 2-3 прутиками в руке. Жили страшно бедно, но весело. К ним в дом всегда можно было зайти. Если семья обедала, то и за стол усаживали, хотя кроме картошки, капусты да козьего молока у них ничего не было. Одежды и обуви на всех не хватало. Помню, мой сверстник Мишка выскочит на улицу босиком в 30-градусный мороз, пробежит по снегу метров 50 туда-сюда и на печь. Но все дети выросли здоровыми, честными, трудолюбивыми. У всех теперь хорошие семьи, дети и внуки. Ни один не спился и в тюрьму не попал.

Крупные домашние дела вершились «помочью». Сварит хозяйка браги или самогона, позовет соседей, они все сделают, выпьют немного и по домам. Если кто умирал, покойного провожало в последний путь все село. На свадьбах тоже обычно все присутствовали в качестве зрителей или гостей. Свадьбы тогда игрались по старинным обычаям, было весело и интересно. Во всей деревне не было замков, их заменяла палка у ворот. Коль просунута палка в кольцо, то никто и никогда не войдет - хозяина нет дома. Только жадные да богатые запирались на замки.

Весь скот свободно гулял на улицах и пустырях. Село было огорожено от колхозных полей, поэтому убежать скоту было некуда. Никто не калечил, не воровал живность. Коров, овец и коз пасли строго по очереди. Конечно, могли бы люди тогда держать скота в 2-3 раза больше, но кормить было нечем. Покосы не давали, зерна себе не хватало на еду, а огороды обрезали совсем. У нас, например, на 9 человек осталось всего

*) Михайлов – Ред.

15 соток. Траву на сено разрешали только в болоте косить да веники в лесу заготавливать. Вот и бились колхозники, как караси на сковородке, а толку было мало. Чтобы держать корову, надо было проявить столько смекалки и трудолюбия, что равносильно подвигу.

Я и мои сверстники работали в колхозе с начала лета и до осени. Сначала сорняки пололи, затем на покосе работали, осенью картошку собирали и колоски. Зарабатывали крохи. За первый год я заработал 8 трудодней*) с четвертью. Отец в шесть лет посадил меня на кобылу и заставил копны возить. Первое время тяжело было. К вечеру ноги на раскорячку, зад до крови смозолен. Вечером мать коросты сметаной смажет, а утром снова на работу. Потом, конечно, привыкаешь, да и седло старинное отец для меня приспособил - легче стало. До середины 1960-х годов сельские дети работали в поле наравне со взрослыми. Сначала копны возили, затем гребли на конных граблях, дальше уже копнили, а потом садились на прицепы к тракторам. Все эти университеты я прошел от начала и до конца.

Помню, как весной 1956 года мы с соседскими ребятами рано утром по насту пошли с санками за «обвершьями». Это прелое и гнилое сено, которое остается на земле после вывозки стога сена или соломы. Дома коров совершенно нечем было кормить. Договорились, что сначала сообщу привезем Михайловым, а во второй раз к нам. Нашли мы далеко за деревней эти гнилушки и привезли. В это время в конюховке парторг П.А.Михайлов призывал колхозников к экономии кормов и успешному завершению стойлового периода. Вдруг кто-то из колхозников в окно увидел, что с поля ребята волокут сено прямо в огород к парторгу. Вот смеху-то в конюховке было. Михайлов схватил ременный черессидельник и бегом домой. Мы же, как ни в чем ни бывало, разгружали этот злосчастный корм. Били нас зверски, но мне досталось поменьше. Я успел убежать, а своих сыновей парторг отчесал на славу. Затем нас заставил отвезти эти охвостья на конный двор.

Как выживать колхознику? Начали тайком воровать. Отец мой И. А. Окунев с февраля в самую ненастную ночную пору на лыжах с кошелом (плетеная из мочала большая сетка – А.О.) уходил порой за 3 километра от деревни, чтобы принести ношу сена. Метель хорошо заметала следы. Иногда он засветло уходил с ружьем, якобы на охоту для того, чтобы натоптать следов, а потом снова шел в ночь и притаскивал ношу сена или соломы. Да дай ему тогда участок для покоса, он бы траву голыми руками нарвал, чтобы не мучиться с кормами для коровы. Без коровы семья могла вымереть от голода. Вот и мучились...

В конце 1950-х годов Хрущев «заболел» кукурузой. Что творилось в деревне! Огороды отрезали по баням - не более 15 соток в хозяйстве. Поголовье скота в личном пользовании строго ограничили. Все ягодные кусты обложили налогом и стали кукурузу - «королеву полей» - растить. На конном дворе при помощи самодельных прессов из торфа, перегноя и конского навоза изготавливали вручную торфоперегнойные горшочки. В них закладывали зерна кукурузы и в тепле проращивали. Затем на лучших полях с южным уклоном строго по разметке вручную сажали. Специальное звено женщин ухаживало за посевами, но результаты были плачевными. Потом техника появилась для квадратно-гнездового посева, удобрения минеральные и многое другое, но результаты были теми же. Промучились с этой кукурузой до самой отставки Хрущева в 1964 году и больше к ней не возвращались. В эти же годы были распущены МТС. Технику отдали в колхозы, которые не имели ни гаражей, ни ремонтных мастерских, ни квалифицированных специалистов по ремонту, и началось в деревнях создание кладбищ изломанной техники.

*)Трудодень – мера трудовых затрат, применявшаяся в колхозах с 1930 до 1966 года. Для колхозников был установлен обязательный минимум трудодней. Не выполнивший его подвергался исправительно-трудовым работам сроком до 6 месяцев. В годы ВОВ обязательный минимум был установлен для сельских подростков. Размер трудодня насчитывался после того, как колхоз выполнял обязательные поставки государству, рассчитывался с МТС и выплачивался колхозникам в основном натуральными продуктами. – Ред.

Но все же стоит в каждой деревне поставить памятник Н. С. Хрущеву. Он отменил советское «крепостное право». Бурное развитие промышленности потребовало много рабочих рук, и помаленьку из колхозов стали людей отпускать в города. Голубая мечта мужика о получении паспорта стала реальностью. Если раньше только самые отчаянные девчонки сразу после 7 классов могли через знакомых устроиться нянькой в городе, получить городскую прописку и паспорт, то теперь после долгих мытарств многие «выбивали» справки в колхозе и сельском Совете и уходили в город.

Наверное, главным событием села Новорождественское стало в 1960 году превращение колхоза «Колос» в совхоз «Лысьвенский». Стараясь обеспечить город Лысьву мясом и хлебом, партийная верхушка области пошла на создание совхоза - гиганта. Его поля простирались от Лысьвы до границ Березовского района и были по размеру больше некоторых европейских государств. Резко менялась и жизнь будущих рабочих совхоза. Действительно, крестьянин становился в один ряд с рабочим классом. За бывшую колхозную собственность людям выплатили компенсацию и стали регулярно платить зарплату живыми деньгами.

Для жителей ближайших деревень село Новорождественское стало землей обетованной. Много семей переехало сюда из Покровки (Тетюевы, Михайловы, Кобелевы, Мазунины). Стали постепенно селиться татарские семьи. Вернулись домой из Лысьвы некоторые молодые люди. В общем, демография села изменилась до неузнаваемости. Старинные рода Печкиных, Останиных, Санниковых, Важесовых были оттеснены пришельцами. Это была первая волна миграции. Она не смогла нарушить традиционный уклад жизни.

А как хорошо жить стали! Работали много, дисциплину поддерживали строгую, мясо и хлеб исправно поставляли в город, продолжали выращивать овощи. Осуществилась наконец-то мечта о хорошей жизни. Первым директором обкома партии назначил Ф. И. Важесова (управляющий 5 отделением). Объединение колхозов и создание огромного монстра под названием совхоз «Лысьвенский» проходило довольно спокойно. Люди действительно поняли и почувствовали выгоду от этого решения.

Ф. И. Важесов, управляющий отделением 1961-1979 г.г. вспоминал:

«После окончания войны я вернулся домой. Здесь и женился на своей Вале. Конечно, положение деревни было очень трудным, но все крепко верили, что после этой ужасной войны мы все преодолеем и станем жить хорошо.

В 1947 году государство выделило кредиты на приобретение конного инвентаря, косилок, окучников, плугов, граблей, жаток-лобогреек и другого сельхозимущества. Этой помощи явно не хватало, но мы понимали, что восстанавливать страну после войны надо и больших иллюзий на особую поддержку не питали. Работали в основном вручную. А какие труженицы были! Жена Никиты Осиповича Важесова за день выжинала серпом до 50 соток и при этом ещё вязала снопы и ставила суслоны.

...Обмен денег нас не коснулся. Хотя жена работала в аптеке и получала 400 рублей, денег в семье не чувствовалось. Буханка хлеба на рынке стоила 100 рублей, хотя госцены были низкие. В основном по карточке выдавали 600 граммов хлеба в день, изредка перепадало немного сладкого и совсем редко отпускали промтовары.

...Особенно наших женщин волновал налог на бездетность. Платили все, у кого было менее 3 детей, правда, размер налога менялся пропорционально количеству детей. У многих мужья погибли на войне, и вступать в половые связи с кем попало вдовы не хотели. Религия, нравственность и верность мужу, пусть и мёртвому (многие не верили похоронкам и всё ждали и ждали своих любимых), не давали большинству вдов переступить ту черту, что в деревне называлась блудом. Конечно, государству нужны были новые работники и воины взамен убитых, но моральная сторона вопроса была просто не учтена. Какой вой стоял в конторе, когда вдовы платили эти 50 рублей.

...Началось укрупнение мелких колхозов и артелей. В округе было образовано четыре хозяйства: Валюшино, Сосновое Болото, Чебота («Красная звезда») и Ново-Рождественское («Колос»). В 1952 году Чебота и Ново-Рождественское объединились в единый колхоз «Колос».

После смерти Сталина и траурных церемоний немного полегчало. В конце 1953 году списали колхозные долги, а их накопилось много. Ссуды не успевали вовремя выплачивать, цены на нашу продукцию были мизерные. Государство часто выгребало осенью все зерно. Весной, чтобы засеять поля, снова давали ссуду на семена и кое-какой инвентарь. Так и сидели вечно в долгу перед государством, хоть и работали в полную силу. После списания долгов появилась надежда. В 1955 году в селе появились электричество, телефон, а потом и радиоточки. Старую мельницу, которая молола зерно, а в войну и всякую траву на муку, а также давала электричество, порушили.

В 1957 году отменили займы (одномесечная зарплата в рублях) и натуральный налог (оброк). Ну, думали, наконец-то дошли до зажиточной жизни. Но тут началась кукурузная эпопея, которая закончилась провалом.

В 1960 году нас преобразовали в совхоз «Лысьвенский». Начали строительство школы и интерната при ней. К 1964 году школу вместе с котельной пустили в строй».

К. А. Щукина, бухгалтер совхоза с 1957 по 1980 г.:

«До 1947 года жизнь нашей семьи была кочевой. Отец, спасаясь от колхозов, мотался по лесочасткам. Родилась я в 1930 г. в деревне Нижние Исады, а затем были: Верх-Култым, Матвеево, Явыш, Пальник. В 1947 году переехали в Ново-Рождественское. Вышла замуж и с мужем жили в д. Рыжково, работали на Проносинском деревообрабатывающем заводе, где изготовляли телеги, сани, дуги, пиломатериал и различные несложные деревянные изделия. В 1956 году завод и деревня сгорели в пожаре, а в 1957 году мы с мужем стали жить в Новорождественском. Я работала бухгалтером до 1980 года. Можно сказать, «пережила» 4-х директоров, вернее, заведующих отделениями. Это были: С. М. Русских, П. И. Кобелев, Ф. И. Важесов, Н. И. Спицин. После войны жили очень плохо, но была надежда и крепкая дисциплина. Работали все от мала до велика. В страду и сенокос выходили в поле и интеллигенты. В детсадах дети содержались до 1947 года за счет колхозов - еду ребенку родители приносили сами, а вот няне колхоз платил по трудовому в день. В колхозе тогда возделывали не только хлеб, но и овощи. Содержали овец, кур, свиней, гусей. Дисциплина держалась на страхе, но польза была. За тунеядство судили. За год надо было выработать минимум 240-270 трудовых. Обычно на трудоводень давали по 5-10 копеек денег и 200-300 граммов хлеба. (Билет в кино стоил 2 рубля взрослый и 50 копеек детский). Пенсий не было совсем. Доходы только по труду. Во всем был строжайший учет вплоть до граммов. Колхоз люди считали своим.

С возникновения совхоза с 26 января 1960 года и началось разложение деревни. Оплата стала осуществляться за смену, а не за вложенный труд. Все это быстро развратило людей. Нескончаемый поток денег от государства окончательно отучил людей работать, а начальство - думать и отвечать за свои дела. Не стало ни порядка, ни законов. Смешно сказать, в деревне появились безработные. В деревне со скотом и землей работы круглый год хватает. Даже в теперешнее трудное время многие картошку не сажают, скот не держат. Как и век доживать, не знаю, ладно, сыновья у меня добрые и работающие».

З.А. Маракулина, рядовая колхозница с 1957 по 1981 год.

«Замужем официально не была. Вся юность и молодость пришлось на войну. Да и жили до 1957 чаще в лесу. В леспромхозе мочало драли, рогожи ткали и веревки вили. В колхозе «Колос» жили трудно, но с верой и надеждой. Все лога, болота, реки местные выкашивали вручную. Для телят заготавливали самое нежное и лучшее сено. Работали в поле все: учителя, медики и дети. Однажды крупным дождем на поверхность земли выбило го-

рох, так школьники несколько дней ходили цепью по полю и палочками втыкали горошины в землю. Теперь, наверное, никого не поднять на такое и за деньги».

«Золотые» 1965-1985 годы

Решения мартовского Пленума 1965 года по подъему сельского хозяйства добавило оптимизма и материального благополучия жителям деревни. Финансы, техника, товары потекли в совхоз рекой. Началось невиданное до сих пор строительство. Вместе со строителями в село хлынула вторая волна переселенцев, которая начисто смела прежний патриархальный быт. Началось строительство грандиозного мясо-молочного комплекса, двух новых улиц с каменными 2-квартирными домами, двумя многоквартирными домами, прокладывались коммуникации водоснабжения и парового отопления, возводились два больших пруда для работы мелиоративной системы, развертывались мастерские, гаражи, хранилище, 2 комплекса по переработке зерна, склады, прокладывались асфальтовые дороги, а затем были построены средняя школа и детский сад. В планах было строительство Дворца культуры и крупного административного центра.

Кажется, люди ошалели от размаха строительства. Село буквально менялось на глазах. Деньги текли рекой, зарплату платили аккуратно и во все больших размерах. А сколько создавалось новых семей! Кажется, со всего Советского Союза съехались в Новорождественское люди. Кого только здесь не было: корейцы, армяне, коми-пермяки, немцы, молдаване, украинцы и прочий люд, именуемый «шабашниками».

Жизнь в селе пошла развеселая, все больше пьяная и разгульная. Дисциплина начала падать, а к технике и прочим ресурсам стали относиться по-варварски. Девиз был один: «На наш век железа хватит». Небывальными по размаху стали официальные праздники с премиями, застольями и массовыми гуляньями. И, казалось, что так будет вечно, ведь производство продукции росло, молока надаивали по 2500-3000 литров на корову и даже более. Создавались целые династии механизаторов: Окуневы, Щукины, Санниковы. Доярки Павлова, Бурцева, Елисеева, Сергеева, Санникова и многие другие прославились не только в районе, но и в области.

Однако уже в 1980-е годы появились первые признаки надвигающейся беды: старые кадры уходили на пенсию, а достойной замены не было, управляемость хозяйством падала, как и дисциплина труда. К технике и удобрениям отношение становилось просто бесхозным. Процветали пьянство и безалаберность.

Мясо-молочный комплекс и прочие чудеса техники не оправдали надежд. Комплекс ни одного часу не работал так, как было задумано, кочегарка быстро вышла из строя, а поливная система проработала 2 года, после чего ее забросили. Гидрослив навоза разрушал сами здания комплекса; создать городские условия для жизни даже в двух многоквартирных домах не удалось - слишком велики оказались затраты на содержание жилья.

Местных кормов для скота не хватало, поэтому совхозные «десанты» заготавливали солому в Казахстане и в соседних южных районах. Правда, обходилась эта солома в три раза дороже печеного хлеба. 1 кг соломы стоил 50 копеек, а булка хлеба - 16 копеек. Конечно, город помогал, чем мог. Ежедневно приходили грузовики с комбикормом, но с каждым годом себестоимость продукции росла, производство падало. Бешеные деньги развратили народ. Не имея своего, люди начали воровать. Пустыри около многоквартирных домов хаотично застраивались сарайчиками, в которых сельчане стали держать личный скот. Откармливали его печеным дешевым хлебом, который раскупали в магазине по фургону в день. Из «элитных» домов люди начали разбегаться теперь уже в двухквартирные коттеджи с сараями для скота и приусадебными участками.

В конце 1979 года совхоз «Лысьвенский» разделили на два – «Лысьвенский» и «Новорождественский», а в 1989 году совхоз «Новорождественский» распался на «Аитковский» и «Новорождественский», которые в 1992 году стали Товариществами с ограниченной ответственностью.

Ф. И. Важесов вспоминал:

«С 1965 года начали строить мясо - молочный комплекс, две новые улицы домов, пруд, дорогу, мастерские, хранилище, две КЗС-5, гараж, сушильные площадки.

Хорошо жили, зарплату платили регулярно, кредиты давали под 0,2 % годовых, технику поставляли в первую очередь. Как-никак наш комплекс должен был полностью обеспечить г. Лысьву продовольствием. Хотя я как директор совхоза, вернее 5-го отделения, был против строительства такого гиганта, но кто нас тогда слушал. Проблемы с кормами начались сразу. Кормить приходилось «с колёс».

31 августа 1979 года совхоз «Лысьвенский» распался на 2 хозяйства – «Лысьвенский» и «Новорождественский». Тогда же я и на пенсию вышел. Считаю, что страну мы кормили хорошо, ведь в магазинах тогда было все. Люди жили прекрасно и трудились на совесть, хотя, конечно, уже началось и пьянство, и нарушения дисциплины, но они были единичными».

«Перестройка» и рыночные страдания 1985-1990 годов

Горбачевская перестройка круто изменила жизнь нашего села. Сначала люди обрадовались – даешь демократию, хватит терпеть совхозных «баронов», партийно-хозяйственную бюрократию. Будем всех теперь выбирать. И выбирали. Старые руководители ушли на пенсию или потихоньку разъехались, а новых выбирали из тех, кто по духу ближе, кто громче других кричал на собраниях, но кричать на собраниях и руководить - не одно и то же. Полный упадок дисциплины и элементарного порядка окончательно подорвали совхоз. Повальное воровство, пьянство и дефицит всего и вся поставили село в условия выживания. Теперь уже и начальников выбирать стало не из кого. Умные односельчане наотрез отказывались, а смелых, желающих «поручить» в столь сложное время не находилось. Сверху, из города и области, управление почти распалось, и остались люди неприкаянными и никому не нужными. Совхоз умирал прямо на глазах.

Перестройка закончилась развалом СССР и курсом на рыночные отношения. Как всегда никто не подумал о простом народе, о том, как он будет жить - выживать. Самое страшное было впереди. Начался раздел собственности. В результате кто-то приобрел легковые и грузовые автомобили, трактора и сельхозтехнику, а кто-то остался ни с чем. Источниками дохода стала спекуляция спиртными напитками, продажа сначала лома цветных, а затем черных металлов, махинации с лесом и пиломатериалами, выращивание скота за счет скармливания ворованных кормов и т.п. При этом большинство сельчан жило на пособия по безработице.

...Вот и закончился мой рассказ о родном моем Новорождественске. Что-то ждет его в наступающем XXI веке?!

1997 г.

Председатели колхозов, директора совхозов и ТОО «Новорождественское».

Колхоз «Колос» объединил все мелкие товарищества и коммуну в единое целое в 1934 г.

1. Санников Кирилл Родионович 1931 – 1933 г.г.
2. Филимонов Сергей 1934 – 1936 г.г.
3. Колодин Алексей Петрович 1936-1941 г.г.
4. Некрасов Иван Федорович 1941 - 1945 г.г.
5. Санников Иван Иванович 1945 – 1947 г.г.

6. Останин Петр Степанович 1947 – 1950 г.г.
7. Русских Степан Михайлович 1950-1961 г.г.
8. Важесов Федор Иванович 1961 – 1979 г.г.
9. Спицин Николай Иванович 1980 – 1981 г.г.
10. Волков Николай Алексеевич 1981 - 1982 г.г.
11. Иванов Виктор Николаевич 1982-1983 г.г.
12. Паршаков Аркадий Андреевич 1984 – 1994 г.г., март.
13. Фаткуллин Ильнур Мугинович 1994 г., март – сентябрь
14. Асанов Роман Васильевич 1994 г., сентябрь - 1998 г., март
15. Бражкина Ольга Александровна март 1998 г.

Кроме них работали по несколько месяцев:

1947 г. – Скачков Григорий Михайлович

1960г. - Кобелев Павел Иванович

Председатели сельского Совета

На сходе граждан с. Новорождественское от 16 декабря 1919 г. было решено создать сельский Совет. Официально все документы было оформлены к 20 июля 1920 г.

1. Останин Николай Дмитриевич 1920-1930 г.г.
2. Скачков Афанасий Васильевич 1930-1940 г.г.
3. Колодин Алексей Петрович 1941-1947 г.г.
4. Важесов Федор Иванович 1947-1950 г.г.
5. Останин Петр Степанович 1951-1953 г.г.
6. Важесов Михаил Алексеевич 1953-1973 г.г.
7. Окунев Александр Федорович 1973-1975 г.г.
8. Гоголев Виктор Васильевич 1975-1980 г.г.
9. Останин Петр Васильевич 1980-1984 г.г.
10. Асанов Фагит 1984-1986 г.г.
11. Нариманов Файзурхан 1986-1988 г.г.
12. Юдн Тамара Георгиевна 1988-1989 г.г.
13. Останина Елена Борисовна 1989-1990 г.г.
14. Важесов Сергей Михайлович 1990-1999 г.г.

.РАДОСТНО ЖИВЕТСЯ В НАШЕМ КОЛХОЗЕ**Из истории села Н-Рождественского**

Получив землю после победы над буржуазией в 1917 году, крестьяне села Н-Рождественского жили больше десятка лет, замкнувшись в своем небольшом хозяйстве.

Единоличный труд не давал хорошего дохода. Он был малопродуктивным трудом. Хозяйство росло медленно, оно было непродуктивным.

В 1929 году в отдельных селениях Н-Рождественского сельсовета организовались первые шесть маленьких колхозов. Эти колхозы были крайне слабы и сознательная часть крестьянства поставила вопрос о слиянии их в один крупный колхоз. Это предложение было принято. В 1930 году маленькие колхозы объединились в один колхоз и назвали его „КОЛОС“.

Но, не имея необходимого опыта при коллективном труде и крепкого руководства, в первые два—три года трудовая дисциплина в колхозе была слабой.

Пробравшиеся в колхоз кулачество не давало правильно организовать работу и встать колхозу на ноги. Заняв должность хозяйственника, кулак ЕЛИСЕЕВ ПАВЕЛ умышленно гноил колхозный хлеб, портил и выводил из строя машины. По его вине пало три годовых жеребенка.

Сообщники кулачества ЕРЕМЕЕВ ЯКОВ и ЧИГВИНЦЕВ МИХАИЛ также всячески стремились навредить колхозу, снизить его доход и доход колхозников. Они спелый колос ржи с зерном закладывали в силос, говоря, что силос будет питательнее.

Вредительские действия кулаков были разоблачены и кулаки были выгнаны из колхоза.

Все попытки классового врага развалить колхоз были биты. Колхоз с каждым годом крепнет, хозяйство его растет, колхозники неуклонно идут к новой радостной, зажиточной жизни.

Колхоз «Колос» окреп и вырос.

С каждым годом увеличивается посевная площадь колхоза «КОЛОС». В 1932 г. всего посева были 763 гектара, а в 1935 году посевная площадь почти удвоилась, достигнув до 1.355 гектар. В том числе зерновых было посеяно 875 гектар. Средний урожай с одного гектара выражается 11,5 центнер.

Колхоз „КОЛОС“ своевременно выполнил план хлебопоставок, после чего продал кооперации хлеба 820 центнер. К распределению на трудодни колхозникам остается зерна свыше 4.900 центнер. На каждый трудодень колхознику обойдется более 5 килограмм.

Зажиточная жизнь колхозников близка. Многие из них уже в нынешнем году получают хлеба такое количество, о котором они раньше не могли и мечтать.

Семья ударника колхозника ЕЛИСЕЕВА ПЕТРА ИВАНОВИЧА, состоящая из трех человек, за этот год заработает свыше тысячи трудодней и хлеба получили свыше трехсот пудов. А таких семей в колхозе «Колос» большинство.

С каждым годом укрепляется обобщественное хозяйство колхоза, растет поголовье скота на животноводческих фермах. Поголовье крупного рогатого скота за последние два года выросло на 129 голов и всего имеется сейчас 287 голов...

... Началось строительство новой большой школы. Намечен план озеленения колхозной улицы. Женщины колхоза окружены заботой. Организованы детские ясли. Каждая беременная женщина, согласно сталинскому колхозному уставу, пользуется двухмесячным отпуском.

12 декабря в колхозе «Колос» был большой праздник. На общем собрании колхозников председатель городского совета тов. М.П.ШЕИН вручил председателю колхоза ФИЛИМОНОВУ государственный акт на вечное пользование землей. 3407 гектар земли передано в пользование колхозу и закреплено за ним навечно.

Большой колхозный бал, был устроен в честь этого знаменательного дня. Нарядные хозяева колхоза — колхозники и колхозницы поздравляя друг друга, пели веселые колхозные частушки. Задорно и весело плясала молодежь....

Б. Бойко Искра. – 1940. – 1 янв.

В борьбе за зажиточную жизнь
(в сокращении)

В 28 километрах от Лысьвы, на правом берегу речки Шаквы, раскинулась небольшая деревня Валюшино.

Местные старожилы этой деревни рассказывают, как тяжела была их жизнь в старое время. С малоурожайных полосок земель распыленные индивидуальные хозяйства собирали хлеба так мало, что его хватало только до января. После чего они были вынуждены брать подряд на рубку леса и идти на сплавные работы, чтобы добыть себе средства на пропитание.

Это та деревня, в которой девять лет назад организовался колхоз им. Сталина, состоящий теперь из 44 хозяйств. К 1937 году колхоз уже начинал богатеть и укрепляться, но в его хозяйстве еще было много недостатков. Скот простой породы находился в примитивных дворах, нужных сельскохозяйственных машин для обработки земли было недостаточно. Теперь в бухгалтерских книгах записан целый перечень того, что колхоз приобрел за 2 года. На доходы колхоза куплена полусложная молотилка «БДО-34», автомашина, сноповязка, триер, сортировка «Клейтон», сортировка «Триумф», механические кормозапарники и целый ряд сельскохозяйственного инвентаря на 13.000 рублей. Большие капитальные затраты произведены на строительство свинарника, скотного и конного дворов, колхозного склада, на приобретение лошадей орловской породы, на улучшение породности скота.

Еще с большим энтузиазмом колхозники стали бороться за выполнение производственного плана, за поднятие урожайности полей. Сеять стали исключительно высокосортными семенами, на полях стали расти пшеница «Лютесенс 062», овес «Золотой дождь», ячмень «Винер». Подкормки и минеральные удобрения широко нашли применение в уходе за зерновыми культурами. В 1938 году средний урожай хлебов выразился в количестве 16 центнеров с гектара.

Завершением сельскохозяйственных работ колхозники колхоза им. Сталина встречают новый 1940 год. Обмолот зерновых закончен полностью на площади в 175 гектаров. Сдали обязательные поставки, выполнен план по сдаче молока и мяса государству. В новый амбар засыпано 200 тонн семян.

Если в 1938 году колхозное хозяйство, состоящее из 60 трудоспособных колхозников, дало 110 тысяч рублей дохода, то в 1939 году от животноводства и полеводства получено 132 тысячи рублей дохода. На распределение заработка по трудодням правление колхоза выделило 75.000 рублей. На каждый трудодень пало 3 рубля деньгами, 1,2 килограмма хлеба, 2,5 килограмма фуража и капусты 1 килограмм.

Так, например, конюх Дмитрий Афанасьевич Кобелев заработал 800 трудодней. Он в колхозе борется за чистоту конного двора, за сохранность молодняка, поставил образцовый уход за лошадьми. Получая деньги и хлеб в колхозе, он заявил:

—Мои трудодни не пропали даром, я еще с большей энергией буду работать в колхозе. Мне предстоит ответственная задача ухаживать за племенными лошадьми, и это задание я с честью выполняю.

Семья Василия Степановича Терентьева выработала в колхозе 1402 трудодня. Она получила 4.200 рублей деньгами, свыше 400 пудов хлеба, 3,5 тонны фуража и около 1 тонны капусты. Василий Степанович работает в колхозе кузнецом и, несмотря на свой преклонный 65-летний возраст, за один только ноябрь месяц заработал 45 трудодней. Сын Алексей Васильевич работает на колхозной лесопилке рамщиком и ежедневно выполняет норму на 170 процентов. Телятница Анастасия Терентьева добилась высоких показателей в уходе за молодняком.

*) Не типичная оплата за трудодень из-за неправильных расценок и нормирования отдельных работ, когда подсобные работники: конюх, кузнец, пиленщик получили больше, чем колхозник, занятый в полеводстве или животноводстве. – Ред.